Роль европейского частноправового наследия в становлении национальных правовых систем Азии

Миронов Василий Андреевич
аспирант, Высшая школа правоведения, Институт государственной службы и управления Президентской Академии, vamir0n@yandex.ru

Статья посвящена тому, как европейские частноправовые конструкции становились элементами национального права Японии, Китая, Республики Корея, Индии и Сингапура. Автор опирается на историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический методы и разграничивает три обстоятельства: происхождение юридического решения, канал его передачи и основание его обязательности в принимающем правопорядке. На материале кодификации, юридического образования и правил применения английского права показано, что рецепция охватывала не только нормы, но и способы их толкования. Национальная самостоятельность, как показывает исследование, совместима с сохранением заимствованных конструкций – при условии, что внутренние институты сами определяют условия их действия и дальнейшего развития; формальное же признание нормы еще не означает ее освоения судебной практикой. Результаты рецепции предлагается оценивать по сочетанию законодательного выбора и самостоятельной юридической аргументации, а не по степени внешнего сходства с европейским образцом.
Ключевые слова: европейское частное право, правовая рецепция, кодификация, правовые заимствования, источники права, добросовестность, Япония, Китай, Республика Корея, Индия, Сингапур.

При изучении азиатского частного права происхождение юридической конструкции нередко выдают за объяснение ее современного действия, хотя это разные вещи: установить европейские истоки нормы – не то же самое, что выявить основания, по которым ее применяет национальный суд. Г. Тойбнер критиковал саму идею правового заимствования как простого переноса института и показывал, что принимающий правопорядок неизбежно меняет значение полученного правила [11, с. 12]. Применительно к сравнительному исследованию добросовестности это различие принципиально: сходство терминов само по себе не устраняет различий в юридических основаниях их использования.

Цель статьи – определить, какую роль европейское наследие сыграло в формировании национальных способов создания и толкования частного права. Материал ограничен пятью странами – Японией, Китаем, Республикой Корея, Индией и Сингапуром, – и выводы не переносятся автоматически ни на всю Азию, ни на прочие отрасли права этих государств. Становление понимается здесь как формирование современной частноправовой организации, а не как возникновение права там, где его якобы прежде не было. Историко-правовое сравнение дополняется анализом законодательных текстов и научных работ о судебной практике.

Проверяемая гипотеза такова: решающим для национального освоения европейского наследия оказывается не отказ от заимствованных форм, а переход к самостоятельному определению условий их действия. Отсюда и предмет сопоставления – не только кодексы, но и подготовка юристов, посредничество соседних правопорядков, соотношение закона и обычая, пределы авторитета иностранного права.

Европейское частноправовое наследие понимается в статье широко: сюда относятся и континентальные кодификации с цивилистической доктриной, и английское общее право вместе с правом справедливости, но не право Европейского союза. Такой охват дает возможность сопоставлять разные способы рецепции, не сводя «европейское» к кодифицированному праву и не сужая азиатский опыт до выбора между французской и германской моделями.

Для анализа предлагается различать три обстоятельства, которые вполне могут не совпадать между собой: где сформировалось юридическое решение, через какие институты оно передавалось и почему стало обязательным в новой системе. Так, европейская конструкция могла быть освоена через японскую юридическую школу, а обязательность ей впоследствии придал уже национальный кодекс. С. Феррери и Л. ДиМаттео разграничивают прямое заимствование и опосредованное влияние, а применительно к Китаю отмечают передачу германских правовых идей через обучение китайских студентов в Японии [6, с. 52–53] – то есть посредник передавал не нейтральный набор текстов, а уже истолкованное право.

Отсюда методологическое ограничение: европейское происхождение нормы само по себе не наделяет обязательной силой все последующие решения европейского законодателя или суда – речь идет о рецепции, а не о коллизионном применении иностранного права к конкретному отношению. Понятийная связь с первоначальной моделью вполне уживается с изменением оснований, пределов и целей регулирования, а переименование института, наоборот, еще ничего не доказывает о его содержательной самостоятельности.

Японский опыт особенно наглядно показывает, что рецепцию нельзя свести к однократному выбору готового кодекса. П. ван ден Берг связывает кодификацию эпохи Мэйдзи с пересмотром неравноправных договоров и восстановлением полноты национальной юрисдикции, а саму работу над кодексом – со спором о месте обычая и границах законодательного переустройства общества [12, с. 75–76, 82–84]. Заимствование, иначе говоря, преследовало сразу частноправовую и государственно-политическую цели: то, что оно проводилось по инициативе японской власти, не отменяло внешнего давления, но и не превращало Японию в колониального адресата европейского законодательства.

В итоговом варианте соединились французские разработки, германская систематика и местные правовые представления: первые три книги нового Гражданского кодекса приняли в 1896 г., а завершенная кодификация вступила в силу 16 июля 1898 г. [12, с. 84–85].

Формула «рецепция германского кодекса» здесь требует осторожности – японские составители учитывали германский проект, но не воспроизводили уже действовавшее в Германии уложение как таковое. Важнее самого перечня заимствований то, что национальный законодатель сравнивал между собой несколько решений и сам определял их место в собственной системе.

Не менее важен период, предшествовавший завершению кодификации. Декрет № 103 от 8 июня 1875 г. предписывал разрешать гражданские споры на основании закона, а при его недостаточности – обычая и разума. В. Б. Романовская и В. В. Пужаев показывают, что обращение к разуму позволяло вводить в судебное рассуждение французские правовые положения и проект Г. Буассонада, чему способствовали переводы и обучение будущих судей [4, с. 21, 23, 25–26]. То есть иностранная доктрина могла влиять на решение суда еще до того, как соответствующие положения превращались в действующий национальный закон.

Этот эпизод хорошо различает нормативную и профессиональную стороны рецепции: проект, так и не ставший законом, вовсе не обязательно оставался без последствий, поскольку подготовленный юрист мог использовать его как источник аргументов, – но это использование не делало иностранный текст обязательным автоматически. Его влияние объясняется одновременно и национальными правилами восполнения пробелов, и тем объемом юридических знаний, которым располагал конкретный судья.

Сопоставление Китая и Республики Корея обнаруживает разные последствия регионального посредничества. Для Китая обучение в Японии было одним из каналов знакомства с европейскими конструкциями, но принимать этот канал за исчерпывающее объяснение дальнейшего развития было бы преувеличением [6, с. 53]. Цзяньфу Чэнь описывает китайскую кодификацию как процесс с неоднократными перерывами и меняющимися представлениями о гражданском праве, в том числе под советским влиянием [5, с. 106–109], – а значит, прямая линия от европейского образца XIX в. к Гражданскому кодексу КНР 2020 г. заслоняет собой самостоятельные этапы национального правотворчества.

В кодексе 2020 г. общая часть сочетается с отдельными книгами о вещных правах, договорах, личных неимущественных правах, браке и семье, наследовании и деликтной ответственности, причем пандектная организация материала не помешала собственному решению выделить личные неимущественные права в отдельную книгу – спор вокруг этой книги выходил далеко за пределы законодательной техники [5, с. 105–106, 115–117]. Статья 1 прямо связывает цели кодекса с Конституцией КНР и развитием социализма с китайской спецификой [1, ст. 1], и уже поэтому сходство структуры само по себе не дает права без дополнительной проверки приписывать китайской норме ценностные основания ее европейского прототипа.

Корейская траектория отличалась прежде всего характером первоначального воздействия: японское гражданское законодательство применялось в колониальный период, а после образования Республики Корея за ним последовала уже собственная кодификация, обнародованная 22 февраля 1958 г. и вступившая в силу 1 января 1960 г. Ю. Квон отмечает, что при ее подготовке изучалось законодательство Германии, Швейцарии и Франции и в целом сохранилась пандектная модель построения [9, с. 149–150]. Колониальное введение права и последующий законодательный выбор уже независимого государства – разные по природе события, и объединять их одним понятием добровольного заимствования не стоит.

Сохранение знакомой системы понятий в новом кодексе не означало, следовательно, сохранения прежнего основания ее обязательности: национальный законодатель мог заново отобрать и закрепить конструкции, ранее переданные через колониальную систему, и именно этот повторный выбор объясняет, как преемственность уживается с самостоятельностью. Полную независимость юридической мысли из одного факта принятия собственного кодекса, впрочем, вывести нельзя – для этого потребовалось бы отдельно изучить аргументацию судов и используемую ими доктрину.

Английская линия рецепции не сводилась к простому переносу судебных прецедентов. У. Суэйн, изучив историю подготовки Закона Индии о договорах 1872 г., показывает, что общее право стало материалом для законодательной систематизации и переработки уже в условиях колониального управления [10, с. 3–21]. Само по себе наличие развернутого закона о договорах поэтому еще не признак принадлежности к континентальной правовой семье – значение имеют происхождение используемых конструкций и способы их дальнейшего толкования.

Содержание индийского закона хорошо показывает пределы такого переноса. Статья 1 сохраняет не противоречащие закону торговые обыкновения и обычаи, а в п. (d) ст. 2 встречное удовлетворение (consideration) описано как действие, воздержание или обещание, исходящее по желанию обещающего от адресата обещания либо иного лица [2, ст. 1, п. (d) ст. 2]. Существенно, что заимствованное понятие получило собственное законодательное определение и было встроено в систему, допускающую действие совместимого обычая; вместе с тем возможность предоставления встречного удовлетворения иным лицом не стоит смешивать с отдельным вопросом о праве третьего лица требовать исполнения договора.

Сингапурский Закон о применении английского права 1993 г. напрямую очерчивает границы действия унаследованного права. По ст. 3 английское общее право, включая принципы и нормы права справедливости, сохраняется в той мере, в какой оно было частью сингапурского права непосредственно перед 12 ноября 1993 г., причем его применение обусловлено местными условиями и допускает необходимые изменения; ст. 4 регулирует действие отдельных английских законодательных актов и устанавливает приоритет местного закона при противоречии [3, ст. 3–4]. О запрете дальнейшего развития общего права речи не идет – закон лишь разграничивает унаследованный правовой материал и полномочие национальных институтов определять его действие.

Формальную сторону этого процесса дополняет судебная практика. И. Го и П. Тан, изучив опубликованные решения 1965–2008 гг., зафиксировали усиление обращения к сингапурским источникам в 1990-е гг., хотя и не описывали это как последовательное вытеснение иностранных ссылок – отмечались и признаки дальнейшей интернационализации аргументации [7, с. 215–217]. Эти результаты касаются только изученного периода и не заменяют анализа последующей практики, но позволяют сформулировать более точный критерий самостоятельности: важно не отсутствие иностранных ссылок как таковых, а способность обосновать принятие либо отклонение иностранного решения средствами собственного права.

Показателен и частный пример, напрямую связанный с исследованием добросовестности: в деле HSBC Institutional Trust Services (Singapore) Ltd v Toshin Development Singapore Pte Ltd, разрешенном в 2012 г., Апелляционный суд Сингапура признал действие прямо согласованной оговорки о добросовестных переговорах при пересмотре арендной платы. Как показывает Хан, решающим здесь было наличие уже действующего договора – именно это отличало спор от свободных преддоговорных переговоров [8, с. 323–324], а применение такой оговорки вовсе не равнозначно признанию общей обязанности добросовестности во всех договорах. Самостоятельность в этом примере проявляется через юридическое разграничение ситуаций, а не через декларацию о разрыве с английской традицией.

Сопоставленный материал не выстраивается в последовательность, где все страны проходят одинаковые стадии: японская кодификация, корейский выход из колониальной правовой зависимости, китайская переработка цивилистических конструкций и сингапурское определение пределов английского права решали разные задачи. Объединяет их другое – связь происхождения нормы с ее действием в любом случае опосредуется национальными институтами, а индийский материал дополнительно показывает, что сама по себе законодательная форма принадлежность правовой традиции не определяет.

Национальное освоение предлагается оценивать по двум взаимосвязанным признакам: внутреннему определению юридической силы и пределов применения заимствованного материала и способности профессионального сообщества объяснить его содержание, соотнести с местными источниками и обосновать дальнейшее изменение. Первый признак без второго рискует свестись к формальному переизданию правила, второй без первого может обеспечить доктринальное влияние, но нормативной рецепции еще не доказывает. Это рабочие критерии сравнения, а не универсальная шкала качества законодательства.

Такой подход помогает избежать и противоположной ошибки – считать успешной адаптацией любое отступление от европейского образца, хотя оригинальность решения сама по себе не гарантирует ни определенности регулирования, ни надежности защиты права. Применительно к добросовестности отсюда вытекает конкретное

методологическое требование: сначала устанавливать национальное основание юридической обязанности и лишь затем привлекать иностранную практику как сравнительный аргумент. Историческое родство открывает возможность сопоставления, но не освобождает от необходимости доказать применимость конкретного решения.

Европейское частноправовое наследие участвовало в формировании рассмотренных правопорядков не только через отдельные нормы – оно дало им способы систематизации права, понятийный аппарат и приемы юридического рассуждения. Передавалось это наследие разными путями: через национальные кодификационные проекты, профессиональное обучение, региональное посредничество и колониальное управление, и различия между этими механизмами достаточно существенны, чтобы не позволять изображать рецепцию как единый добровольный процесс.

Проведенное сравнение подтверждает гипотезу о совместимости преемственности и национальной самостоятельности, юридическим выражением которой служит способность внутренних институтов самим определять основания действия полученного материала и направления его дальнейшего развития. Законодательное признание и профессиональное освоение при этом стоит проверять раздельно, поскольку одно другого не доказывает; практически это означает отказ от автоматического переноса европейского толкования в азиатский правопорядок только на основании общего происхождения нормы. Европейское наследие в этом свете – не сохраняющий обязательность внешний образец, а исторически освоенный ресурс национального частноправового развития.

Литература

1. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики : принят 28 мая 2020 г. : пер. на англ. яз. // The State Council of the People's Republic of China. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/lawsregulations/202012/31/content_WS5fedad98c6d0f72576943005.html (дата обращения: 06.09.2026).
2. Закон Индии о договорах (Indian Contract Act, 1872) : Act No. 9 of 1872, 25 April 1872 // India Code. – URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2187/2/A187209.pdf (дата обращения: 06.09.2026).
3. Закон Сингапура о применении английского права (Application of English Law Act 1993) : Act 35 of 1993 // Singapore Statutes Online. – URL: https://sso.agc.gov.sg/Act/AELA1993 (дата обращения: 06.09.2026).
4. Романовская, В. Б. Обычай и разум как источники японского права в эпоху Мэйдзи / В. Б. Романовская, В. В. Пужаев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 4 (52). – С. 19–29. – DOI: 10.36511/2078-5356-2020-4-19-29.
5. Chen, J. The Chinese Civil Code: A Landmark Law amid Some Great Pitfalls in Codification / J. Chen // SCCL Publications. – 2025. – No. 45 : Stockholm Centre for Commercial Law Årsbok XVI. – P. 105–134. – URL: https://publications.sccl.se/sccl/article/view/600 (дата обращения: 06.09.2026).
6. Ferreri, S. Terminology Matters: Dangers of Superficial Transplantation / S. Ferreri, L. A. DiMatteo // Boston University International Law Journal. – 2019. – Vol. 37, no. 1. – P. 35–87.
7. Goh, Y. An Empirical Study on the Development of Singapore Law / Y. Goh, P. Tan // Singapore Academy of Law Journal. – 2011. – Vol. 23. – P. 176–226.
8. Han, Y. Q. When West Meets East: Thinking Big in Singapore over Good Faith in Commercial Contract Law / Y. Q. Han // Journal of Commonwealth Law. – 2019. – Vol. 1. – P. 317–362.
9. Kwon, Y. Understanding Contract Law in Korea / Y. Kwon // Journal of Korean Law. – 2023. – Vol. 22, no. 1. – P. 149–177. – DOI: 10.23110/jkl.2023.22.1.005.
10. Swain, W. History and Drafting of the Indian Contract Act 1872 / W. Swain // Foundations of Indian Contract Law / ed. by K. V. Krishnaprasad, N. Venkatesan, S. Swaminathan, U. Varottil. – Oxford : Oxford University Press, 2024. – P. 3–21. – DOI: 10.1093/9780191997211.003.0001.
11. Teubner, G. Legal Irritants: Good Faith in British Law or How Unifying Law Ends Up in New Divergences / G. Teubner // The Modern Law Review. – 1998. – Vol. 61, no. 1. – P. 11–32. – DOI: 10.1111/1468-2230.00125.
12. Van den Berg, P. A. J. Politics of Codification in Meiji Japan (1868–1912): Comparative Perspective of Position of Customary Law in Japanese Civil Code / P. A. J. van den Berg // Osaka University Law Review. – 2018. – No. 65. – P. 69–88.

The Role of European Private Law Heritage in the Formation of National Legal Systems in Asia

Mironov V.A.

The Russian Presidential Academy

This article looks at how European private law concepts became part of the national laws of Japan, China, the Republic of Korea, India and Singapore. Combining legal-historical, comparative and doctrinal methods, the analysis separates three elements: the origin of a legal solution, its channel of transmission and the basis of its binding force in the receiving jurisdiction. Drawing on codification, legal education and the rules governing the application of English law, the study shows that reception involved interpretive practice as well as legal rules themselves. National autonomy, it argues, is compatible with retaining borrowed concepts, provided domestic institutions determine their applicability and further development on their own terms; formal recognition of a rule, however, does not by itself show that it has taken root in judicial practice. Reception is accordingly assessed through the combination of legislative choice and independent legal reasoning, rather than through outward resemblance to a European model.

Keywords: European private law, legal reception, codification, legal borrowing, sources of law, good faith, Japan, China, Republic of Korea, India; Singapore.

References

1. Civil Code of the People's Republic of China: adopted on May 28, 2020: English translation // The State Council of the People's Republic of China. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/lawsregulations/202012/31/content_WS5fedad98c6d0f72576943005.html (accessed: 06.09.2026).
2. Indian Contract Act, 1872: Act No. 9 of 1872, 25 April 1872 // India Code. – URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2187/2/A187209.pdf (accessed: 06.09.2026).
3. Application of English Law Act 1993 (Singapore): Act 35 of 1993 // Singapore Statutes Online. – URL: https://sso.agc.gov.sg/Act/AELA1993 (accessed: 06.09.2026).
4. Romanovskaya, V. B. Custom and Reason as Sources of Japanese Law in the Meiji Era / V. B. Romanovskaya, V. V. Puzhaev // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – No. 4 (52). – pp. 19–29. – DOI: 10.36511/2078-5356-2020-4-19-29.
5. Chen, J. The Chinese Civil Code: A Landmark Law amid Some Great Pitfalls in Codification / J. Chen // SCCL Publications. – 2025. – No. 45 : Stockholm Center for Commercial Law Årsbok XVI. – P. 105–134. – URL: https://publications.sccl.se/sccl/article/view/600 (access date: 09/06/2026).
6. Ferreri, S. Terminology Matters: Dangers of Superficial Transplantation / S. Ferreri, L. A. DiMatteo // Boston University International Law Jour-nal. – 2019. – Vol. 37, no. 1. – P. 35–87.
7. Goh, Y. An Empirical Study on the Development of Singapore Law / Y. Goh, P. Tan // Singapore Academy of Law Journal. – 2011. – Vol. 23. – P. 176–226.
8. Han, Y. Q. When West Meets East: Thinking Big in Singapore over Good Faith in Commercial Contract Law / Y. Q. Han // Journal of Common-wealth Law. – 2019. – Vol. 1. – P. 317–362.
9. Kwon, Y. Understanding Contract Law in Korea / Y. Kwon // Journal of Korean Law. – 2023. – Vol. 22, no. 1. – P. 149–177. – DOI: 10.23110/jkl.2023.22.1.005.
10. Swain, W. History and Drafting of the Indian Contract Act 1872 / W. Swain // Foundations of Indian Contract Law / ed. by K. V. Krishnaprasad, N. Venkatesan, S. Swaminathan, U. Varottil. – Oxford: Oxford University Press, 2024. – P. 3–21. – DOI: 10.1093/9780191997211.003.0001.
11. Teubner, G. Legal Irritants: Good Faith in British Law or How Unify-ing Law Ends Up in New Divergences / G. Teubner // The Modern Law Re-view. – 1998. – Vol. 61, no. 1. – P. 11–32. – DOI: 10.1111/1468-2230.00125.
12. Van den Berg, P. A. J. Politics of Codification in Meiji Japan (1868–1912): Comparative Perspective of Position of Customary Law in Japanese Civil Code / P. A. J. van den Berg // Osaka University Law Review. – 2018. – No. 65. – P. 69–88.